

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Университеты Российской империи в советской историографии

С. И. Посохов

Для цитирования: Посохов С. И. Университеты Российской империи в советской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1238–1255. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.414>

В статье охарактеризован процесс изменения взглядов на университеты Российской империи в советской историографии. В указанный период произошло существенное переосмысление роли университетов. Вместе с тем советская историография университетов Российской империи не является собою цельный феномен. В ней четко фиксируются «повороты», которые и стали объектом исследования. Если первоначально университеты трактовались как орудие политики царского правительства, как отсталые учреждения, которые пребывали в кризисе, то в дальнейшем — в качестве жертвы режима и динамичных идеальных центров. Такие изменения в оценках находили выражение в использовании новых метафор, выстраивании соответствующих сюжетных линий и актуализации определенных тем. Маркеры, при помощи которых фиксировались сдвиги в тематическом поле образов, позволяют выявить «точки напряжения» и таким образом обозначить основной элемент историографической конструкции. Если на дореволюционном этапе такой «точкой» была проблема автономии (университет как символ ожидаемых социальных перемен), на следующем (1920-е — 1940-е годы) — функции и задачи университета (которые трактовались как доказательство его архаичности), то с середины XX в. — студенческое движение (которое выступало наглядным подтверждением противодействующего власти университета). Эволюция происходила не путем дискуссий и отталкивания от предшествующего образа, а через перенесение акцентов и через иную интерпретацию высказываний Ленина. Ключевым словом, которое отражало новое понимание исторической роли университетов Российской империи в советской историографии второй половины XX в. стало слово «во-

---

Сергей Иванович Посохов — д-р ист. наук, проф., Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина, 61022, Харьков, пл. Свободы, 4; sposokhov@karazin.ua

Sergiy Posokhov — Doctor in History, Professor, V.N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody sqv., Kharkiv, 61022, Ukraine; sposokhov@karazin.ua

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

преки». Благодаря этому кардинально изменились оценки как самих университетских форм, так и результатов деятельности российских дореволюционных университетов. Очередной «поворот» в подходах к изучению истории университетов Российской империи наметился в середине 1980-х годов, став, по сути, прологом для современной историографии. Советское историографическое наследие второй половины XX в. продолжает достаточно активно использоваться современными историками российских университетов.

Ключевые слова: советская историография, университеты Российской империи, метафоры, историографические образы, историографическое наследие.

The Universities of the Russian Empire in the Soviet Historiography

S. I. Posokhov

For citation: Posokhov S. I. The Universities of the Russian Empire in the Soviet Historiography. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 4, pp. 1238–1255. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.414> (In Russian)

The article describes the process of changing the views on the universities of the Russian Empire in the Soviet historiography. In this period there was a significant rethinking of the role of universities. At the same time, the Soviet historiography of the universities of the Russian Empire is not an integral phenomenon. It clearly fixes “turns”, that became the object of the research. If initially the universities were interpreted as an instrument of the policy of the tsarist government, as backward institutions that were in crisis, they later acted as victims of the regime and dynamic ideological centers. Such changes in assessments occurred through the use of new metaphors, the construction of appropriate storylines and the actualization of certain topics. The markers with which the shifts were fixed in the thematic field of the images allow us to identify the “stress points” and thus designate the main element of the historiographic design. Evolution took place not through discussions and repulsion from the previous image, but through the transfer of accents. A key word that reflected a new understanding of the historical role of Russian universities in the Soviet historiography in the second half of the 20th century, became the word “in spite of”. Thanks to this, the assessments of both the university forms themselves and the results of the activities of Russian pre-revolutionary universities have radically changed. The Soviet historiographic heritage of the second half of the 20th century continues to be widely used by modern historians of Russian universities.

Keywords: Soviet historiography, universities of the Russian Empire, historiographical images, historiographical heritage.

В советский период произошло существенное переосмысление роли университетов. Вместе с тем советская историография университетов Российской империи не является собою цельный феномен. Об этом, в частности, пишут современные исследователи истории российских университетов: «Реабилитированные после перерыва почти в два десятилетия (в конце 1930-х гг.), обновленные “красной профессурой” и пролетарским студенчеством, ставшие “советскими”, но все-таки выжившие университеты еще долго опасались упоминать о своем “буржуазном” прошлом. А когда в середине 1950-х годов о нем стало можно говорить, то историки Московского университета провозгласили неразрывность двухсотлетней истории alma mater. Вслед за столичным собратом каждый советский университет стал доказывать партии

и правительству прогрессивный и демократичный характер собственной деятельности, перечислять свои вклады в прогресс и науку»¹. И все же остается вопрос: как и почему произошел этот «поворот» в понимании университетской истории?

В попытках ответить на вопрос «почему?» мы неизбежно вернемся к проблеме периодизации советской истории. И дело не только в том, чтобы выделить периоды ужесточения или относительной либерализации общественно-политической жизни (например, «великий перелом», «оттепель», «застой», «до и после ХХ съезда»). Важно определить изменения в смыслах, которые придавали настоящему и прошлому. В частности, существенные изменения, которые наблюдаются в различных сферах жизни с середины 1930-х годов, позволяют говорить о начале некоего нового этапа не только общественно-политического развития, но и идейной, культурной эволюции. Другой вопрос — как интерпретировать эти перемены: то ли как завершение революции и начало стабилизации общества, то ли как поворот в системе ценностных ориентиров, в том числе от интернационального к национальному и т. д.² Отмеченный «поворот» был связан не только с репрессиями прежде всего политических активистов революционной эпохи (как тут не вспомнить слова Ж.Ж. Дантона перед казнью: «революция пожирает своих детей»), но и привлечением к сотрудничеству деятелей «старой школы». В полной мере это касалось и исторической науки. Так, А. Н. Дмитриев заметил, что «в конце 1930-х годов, командные высоты от ожесточенных ревнителей часто переходили к ранее угнетенным ими опытным спецам или “буржуазным профессорам” — на место партийных историков толка Покровского или Емельяна Ярославского приходили специалисты из “древности” с дореволюционным стажем, как Борис Греков или Владимир Пичета»³.

Не менее сложно ответить на вопрос «как?». Очевидно, что понятие «советский» применительно к историографии отягощено множеством смыслов. Сегодня чаще принято говорить о «феномене репрессированной науки», подразумевая под этим партийное руководство наукой, несвободу научной мысли, прямой политический диктат по отношению к ученым. Соответственно, порой сама «советская историография» предстает как явление не научное, а политическое. Так, Н. В. Иллерицкая отмечает: «Партийное руководство наукой сыграло свою пагубную роль — советская историческая наука перестала быть наукой, так и не предприняв серьезных попыток стать ею»⁴. Ю. Н. Афанасьев определил советскую историографию как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей»⁵. И все же далеко не все исследователи склонны к такого рода

¹ Вишленкова Е. А., Парсамов В. С. Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (20). Сентябрь. С. 165.

² См., напр.: Святославский А. В. Понятие «советский» как культурный идентификатор и идеологический маркер // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / отв. ред. Л. П. Репиной. М., 2017.

³ Дмитрієв О. М. Марксизм як традиція і перспектива [Форум] // Україна модерна. 2009. № 3(14). С. 56.

⁴ Иллерицкая Н. В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 187.

⁵ Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография / общ. ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1996. С. 37.

однозначным выводам. Г.Д. Алексеева отметила, что «контроль не является единственной формой воздействия на науку... в странах Запада его осуществляют не политические партии, а государственные структуры, непартийная правящая элита, диктующая науке свои требования», что «вопрос о политизации и деполитизации должен решаться не столько в плоскости “наука и партия”, сколько в русле взаимосвязи и влияния “науки и политики”, “науки и идеологии”, “науки и государства”»⁶. Вместе с тем выявить эти взаимосвязи не так легко.

Ввиду сказанного возникает вопрос о ценности советского историографического наследия, о том, как к нему относиться сегодня. А.П. Логунов зафиксировал два варианта ответа в российской историографии 1990-х годов: с одной стороны, акцентируется внимание на деформирующем воздействии той среды, в которой находилась историческая наука в советское время, с другой — звучит тезис о ее созидающем, творческом потенциале, ее вкладе в мировой историографический процесс. В одном случае речь идет о необходимости сохранения и развития традиции, в другом — о необходимости ее преодоления⁷. По нашему мнению, такое полярное видение проблемы (которое сохраняется и сегодня) не позволяет начать ее адекватное изучение. Очевидно, что вопрос о ценности наследия не может решаться однозначно. С точки же зрения науки любой опыт достоин изучения, в том числе и тот, который связан с развитием самой науки. Но, говоря о науке, ее истории, не следует забывать, что противостояние «экстериалисты — интериалисты» уже в значительной степени преодолено, что сегодня нам важнее понять, как происходила интериоризация экстернальных факторов («внешних» воздействий). Очевидно также, что свою роль в этом может сыграть и текстологический анализ, который позволил бы выявить смыслообразующие метафоры, господствующие сюжетные линии и варианты актуализации определенных тем в историографии. Собственно, о «новом языке» советской исторической науки уже упоминали некоторые авторы. В частности, Ю.Афанасьев отметил: «Формация, процесс, класс, партия, революция, закон, марксизм, пролетариат — вот основы нового исторического словаря. Но, пожалуй, самым популярным и наиболее распространенным термином в советской историографии, начиная с первых самостоятельных произведений советских историков и до конца 1980-х, станет слово “борьба”»⁸. Впрочем, пока в плане исследования социальной истории советской науки, в том числе трансформаций ее «языка», сделано не так много.

Таким образом, прежде чем выносить вердикт о ценности советского историографического наследия, следует более глубоко изучить его, но не «в целом», а в плоскости конкретных аспектов, тем и периодов.

Анализируя литературу, в которой авторы затрагивают проблемы истории университетов Российской империи второй половины XIX — начала XX в., я использовал понятие «историографический образ» и предложил методику работы с такими образами⁹. В частности, в качестве инструментария я использовал так

⁶ Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика. (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX в. / отв. ред. Г.Д. Алексеева. М., 1997. С. 138.

⁷ Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии / отв. ред. А.П. Логунов. М., 2001. С. 20.

⁸ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии. С. 21.

⁹ См.: Порохов С.І.: 1) Образи університетів Російської імперії другої половини ХІХ — початку ХХ ст. Харків, 2006; 2) Историографические образы: вариант деконструкции (на материалах исто-

называемые «маркеры» — некие признаки, которые, оставаясь в неизменном виде, фиксировали тематические сдвиги и «точки напряжения» в конкретные историографические периоды. Лишь в некоторой степени их выбор был обусловлен желанием автора, так как очевидно, что большей частью они отвечают теме и материалу. Выявлялись также ключевые понятия, «словесные протоколы», которые определяли принципы, способы конструирования образов. В результате по каждому историографическому периоду были выявлены господствующие и маргинальные образы. Как оказалось, для советской историографии российских университетов характерны два различных господствующих образа и, соответственно, можно говорить о двух историографических этапах в рамках советского периода: 1) 1920-е — 1940-е годы, 2) 1950-е — начало 1990-х годов.

В советской публицистике и историографии 1920-х — 1940-х годов был создан довольно цельный образ «старого университета» — как такого, который безнадежно отстал от жизни и пребывал в состоянии системного кризиса. Этот образ вполне коррелировал с теми нигилистическими настроениями, которые проявились еще до Первой мировой войны (вспомним, например, резонансный альманах «Пощечина общественному вкусу»). Представители «левых течений» в искусстве и литературе в это время и позже стремились к радикальному обновлению, изменению самих принципов и смыслов творчества. Отчасти такие настроения распространялись и в научном сообществе. Впрочем, создателями образа «старого университета» в 1920-е годы в значительной мере стали не исследователи-историки, а реформаторы того времени, а воплотился он преимущественно в публицистических по своему характеру работах. Этот образ строился на нескольких взаимосвязанных постулатах.

Во-первых, он строился на классовом подходе. В согласии с этим подходом университет являл собою неотъемлемую часть механизма социального и национального угнетения. Он обслуживал господствующие классы и содействовал угнетению трудящихся и поддержанию повиновения в «тюрьме народов». В частности, университет готовил людей, которые отстаивали эту систему, был «кузницей феодально-буржуазной идеологии». «Старый университет» подавался как элемент «старого общества» — эпохи, которая «умерла». Публицистика, в особенности 1920-х годов, пестрит высказываниями о том, что «университет потерял значение жизненного учреждения»¹⁰, что вся университетская система является такой, которая уже отжила свой век, что «старый университет неспособен сказать “новое слово”»¹¹. При этом кризис характеризовался как болезнь всего старого европейского университета. В России, по мнению данных авторов, такой кризис был еще более показательным. По словам Я. П. Ряппо, «университет и классические гимназии умирали даже в классической стране царизма», университет был «живым трупом»¹². Порой его характеризовали даже как феодальный, средневековый пережиток (и противово-

риографии российских университетов) // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012.

¹⁰ Ряппо Я. П. Две системы просвещения (идеалистическая и материалистическая школа) // Путь просвещения. 1922. № 1. С. 114.

¹¹ Готалов-Готлиб А. Г. Кризис университета и вопрос о подготовке учительства // Путь просвещения. 1923. № 2. С. 37.

¹² Ряппо Я. П. Две системы просвещения... С. 114.

поставляли «буржуазной технической школе»¹³). Но чаще он назывался «цитаделью буржуазной идеологии»¹⁴, отмечалось, что он использовался буржуазией для обмана масс. Тем самым отрицался устоявшийся взгляд на университеты как на средоточия науки, образования, культуры, которые устремлены в будущее и обеспечивают социальный прогресс. Университеты выступали проводниками новых, а непродуктивных (и даже враждебных реальному обновлению) либеральных идей. Как отметила Р.Г.Эймонтова, «мерилом прогрессивности стала революционность». «Предпочтение мирного пути развития ставилось в вину. ...Либерализм превратился чуть ли не в бранное слово, стал символом трусости и предательства»¹⁵.

Во-вторых, абсолютизировалась роль производственной практики. Соответственно противопоставлялись умственный и физический труд. Умственный труд выступал как признак «белоручек», «никчемной интеллигенции»¹⁶, соединялся с чем-то абстрактным, лишенным практической ценности, ненужным для жизни (небезынтересно напомнить, что в пьесе Владимира Маяковского «Мистерия-буфф» (1918) среди так называемых «чистых» оказался и студент). Естественно, вследствие этого отрицался и «теоретический университет», который, как считалось, не имел целевого назначения (в этом случае речь шла о «фетише чистой науки», «метафизическом мусоре»¹⁷). От университета требовали решения конкретных задач практики, смысл виделся в прикладных исследованиях. Тем самым университет противопоставлялся специальной профессиональной школе, его значение нивелировалось, тогда как специальная школа стала олицетворением прогрессивных тенденций в развитии образования. Педагогический процесс стал пониматься как процесс производственный (считалось, что интеллигенцию можно «штамповывать» как на фабрике¹⁸).

В-третьих, иным стало понимание свободы. Фактически отрицался тезис о свободе личности. На смену ему пришел принцип «свободного общества». Такие понятия, как «свобода творчества», «свобода выбора», «корпоративные интересы», «коллегиальность» и т. п. наделялись негативными коннотациями, в частности, последние соединялись с такими негативными явлениями, как кастовость (порой писали именно так — «кастовый университет»), замкнутость, оторванность от жизни, «буржуазный парламентаризм»¹⁹ (как воплощение «бесплодной болтовни») и т. д.

Осуждались традиционные принципы, на которых базировались университетская структура (теперь это называлось «цеховой самостоятельностью»²⁰), система управления (характеризовалась словами «пресловутая автономия», «оторван-

¹³ Народна освіта на Вкраїні. [Б. м.], 1924. С. 2; Ряпто Я. П. Реформа высшей школы на Украине в годы революции (1920–1924): сб. статей. Харьков, 1925. С. 113.

¹⁴ Народна освіта на Вкраїні. С. 3; Ряпто Я. П. Реформа высшей школы на Украине... С. 22.

¹⁵ Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX века). М., 1998. С. 20.

¹⁶ Ряпто Я. П. Реформа высшей школы на Украине... С. 71.

¹⁷ Покровский М. Н. Ленин и народное просвещение // Покровский М. Н. Избр. произв. В 4 кн. Кн. 4. М., 1967. С. 18.

¹⁸ Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991. С. 39.

¹⁹ Ряпто Я. П. Реформа высшей школы на Украине... С. 7.

²⁰ Народна освіта на Вкраїні. С. 1.

ный от жизни академизм», «фиксия университетской свободы»²¹) и преподавания («бесцельная словесность и схоластика»²², «виртуозное буквоедство, не хуже средневекового»²³). В том числе и о «свободе преподавания» и «слушания» стали писать в негативном контексте — как о «софизме». По словам одного из таких авторов, «если бы какой-нибудь завод или фабрика представляли вид, подобный нашей высшей школе с постоянной толкотней студентов по коридорам и пр., то мы сказали бы, что фабрика не работает...»²⁴. Действенными принципами новой школы считали централизм и единоличную ответственность руководителя перед коллективом и обществом в целом, коллективный труд и плановость.

Отметим, что наиболее резкую критику вызывала именно система управления «старого университета», которая традиционно в дореволюционный период была сопряжена с таким словом, как «автономия». Университетская структура теперь определялась следующими характеристиками: «старая высшая школа, с ее неподвижными факультетами и науками», «цеховой самостоятельностью и цеховой отмежованностью ремесла», «разнообразием в химерной целостности»²⁵, «чудовищный конгломерат самых разнообразных факультетов, соединенных в единое целое лишь сверхестественной силой бюрократизма»²⁶. Идея университетского самоуправления уже не воспринималась как тот стержень, на котором должен держаться университет. Автономия, самоуправление характеризовались по большей части как управленческие формы отсталого и враждебного общественного порядка. Не только попечитель и ректор, но и университетские советы характеризовались как часть системы управления, которая была направлена на сохранение консервативных начал, а в итоге — самодержавного режима.

В советской литературе этого периода было отброшено как таковое понятие «университетская корпорация» (или его использовали как синоним замкнутости, кастовости), лишь иногда применялся термин «корпорация» применительно к студенчеству (при этом не столько имелось в виду наличие определенных прав, сколько обозначалась общность действий и интересов, студенческие организации). Типичным для указанного времени стал отрицательный образ «старой профессуры», а также противопоставление студентов профессорам. Определенные споры наблюдались лишь при характеристике студенчества дореволюционных университетов, прежде всего его «классовой природы» и степени ее революционности. Лишь в конце 1930-х — начале 1940-х годов авторы начали высказывать более взвешенные оценки и относительно профессоров, и относительно студентов.

Понятно, что охарактеризованные выше взгляды, по сути, означали отрижение самой идеи университета. Не случайно авторы публицистических работ почти не упоминают о достижениях университета. Для них он не имел смысла. Таким образом, речь шла о кризисе университета как такового. Учитывая же тот факт, что,

²¹ Очерки из истории Московского университета // Ученые записки Московского университета. История. Юбилейная сер. 1940. Вып. 51. С. 56.

²² Ряпто Я. П. Реформа высшей школы на Украине... С. 74.

²³ Народна освіта на Вкраїні. С. 1.

²⁴ Передерей Г. К вопросу о постановке преподавания в высшей школе // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 84.

²⁵ Ряпто Я. П. О реформе высшей школы на Украине // Студент революции. 1922. № 1. С. 8; Народна освіта на Вкраїні. С. 1.

²⁶ Марков М. Нужны ли нам университеты? // Красное студенчество. 1929. № 3. С. 10.

например, на Украине университеты были ликвидированы (в России они сохранились, но были существенно реформированы), можно утверждать, что в данном случае перед нами пример наиболее последовательной критики идеи университета. Некоторые аргументы оказались настолько сильными и понятными широким кругом населения, что и после восстановления университетов они продолжали существенно влиять как на состояние дел в них, так и на место университетов в образовательной и научной системах.

Работы авторов этого периода очень полемичны, но сразу заметим, что специфика дискуссии состояла в том, что она велась с «условным противником», поскольку противоположные мысли фактически не высказывались на страницах печати. Официальная точка зрения противопоставлялась каким-то «традициям», которые «отступают не без сопротивления»²⁷. Из-за идеологических и политических ограничений тех социальных групп, которые представляли другие взгляды на университет, эволюция других образов (отличных от обозначенного официально-го) фактически прекратилась. Лишь в эмигрантской литературе можно встретить иные образы, которые опирались на предшествующую традицию, но они не имели какого-либо влияния на господствующий в советской публицистике и историографии образ. Скорее, наоборот.

Только в конце 1930-х — начале 1940-х годов начнут возрождаться некоторые элементы образа университета, созданного в либеральной публицистике второй половины XIX — начала XX в. Прежде всего это проявилось в юбилейных историях университетов. Данный историографический факт свидетельствовал о стремлении отойти от эмоциональных по форме и однобоких по своему содержанию публицистических образов, которые господствовали в литературе. Однако новые элементы имели характер «замечаний» и не оказали тогда существенного влияния на общие оценки и подходы.

Советская историография второй половины XX в. и по количеству публикаций, и по тематическому спектру работ, и по разнообразию исследовательских жанров²⁸, бесспорно, является собой новый этап в изучении истории дореволюционных российских университетов. Но он фиксируется не только по этим признакам. Во второй половине XX в. формируются собственно научные образы университетов, поскольку публицисты в это время уже не интересовали дореволюционные университеты. Конечно, идейная связь не прервалась. Многие выводы, которые своими корнями уходили в дореволюционную леворадикальную публицистику, повторялись как заклинание. Но все же они теперь имели скорее ритуальный характер. Без каких-либо дискуссий постепенно возрождались многие элементы «ли-

²⁷ Ряпко Я. П. Короткий нарис розвитку української системи народної освіти. Харків, 1926. С. 5.

²⁸ В частности, уже в начале указанного периода появились диссертационные работы, которые были специально посвящены истории университетов (Астахов В. И. Студенческое движение в Харьковском университете накануне и в период Первой русской революции (1895–1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1953; Мелёхин Б. И. Роль ученых Московского университета и его выдающихся воспитанников в развитии науки международного права (1755–1917): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952; Эймонтова Р. Г. Университетский вопрос в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века и университетская реформа 1863 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1954), источниковедческие обзоры, которые позволяли расширить информационную базу исследований (Полянская Л. И. Документы к истории высшего образования в России // Исторический архив. 1958. № 1).

берального образа» университета (университет как фактор позитивных перемен, как социальный феномен, символизирующий прогресс). Отмеченная тенденция наблюдалась прежде всего в тех работах, которые были специально посвящены изучению истории университетов и отличались основательностью анализа источников и насыщенностью фактами.

Однако замена господствующего образа университета происходила не столько под давлением фактов, сколько под лозунгом возвращения к ленинским выводам и более «правильной» их трактовки. В частности, на первый план вышли выяснение сути ленинского анализа Великих реформ и применение его выводов при исследовании процессов реформирования в Российской империи в целом. Соответственно наблюдался интерес к истории университетов в контексте изучения этапов «освободительного движения», в рамках исследования «революционных ситуаций». В связи с этим университет фактически стал выступать в качестве важного фактора при рассмотрении как позиции «верхов», так и состояния «низов» российского общества. Например, историки писали о том, что политика самодержавия именно в университете вопросе отчетливо проявила все признаки «кризиса верхов»²⁹. Одновременно, рассматривая движение «низов», которые «не хотели жить по-старому», важной его составляющей называли, конечно, студенческое движение. В специальных работах, хотя и с определенными оговорками, появились выводы о том, что университетский вопрос способствовал «обострению революционной ситуации»³⁰.

Понимание сущности университетских реформ в указанное время, по большому счету, мало чем отличалось от характерного для предшествующего этапа. Однако углубленное исследование конкретно-исторического материала, которое проходило в рамках изучения внутренней политики, общественно-политической мысли (в том числе либеральной и консервативной), постепенно придавало новое значение роли университетов в общественной жизни. Впрочем, в ряде случаев это было скорее возрождение тех мнений, которые впервые прозвучали в либеральной публицистике второй половины XIX в. Политический характер университетских реформ, закономерность их первоочередности в программе изменений, которая разрабатывалась правительством, ведущая роль университетов в общественной жизни — эти относительно новые постулаты, казалось, совсем не разрушали устоявшуюся в советской историографии «систему взглядов» (и даже имели обоснования для своего появления в виде цитат из произведений Ленина), но фактически уже противоречили предшествующим логическим конструкциям. Отмеченная эволюция произошла без деклараций об отличиях новых подходов, без дискуссий со своими предшественниками. Внешне — цитированием Ленина и критикой «буржуазных авторов» — данные исследования скорее свидетельствовали о продолжении линии 1920-х — 1940-х годов, реально же произошел отход от господствующего в тот период образа.

Собственно сам анализ причин первоочередности проведения университетских реформ постепенно выводил советских историков не только на более глубокое понимание общественных процессов, но и на необходимость пересмотра исследо-

²⁹ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 100.

³⁰ Эймонтова Р.Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50-х — 60-х годах XIX в. // История СССР. 1971. № 6. С. 145.

вательской парадигмы, поскольку она не могла объяснить факт первоочередности университетских преобразований. Важно отметить, что завершение формирования такого взгляда на «университетский вопрос» принадлежало тем же историкам, которые обозначили начало этого процесса в 1950-е годы. В частности, речь идет о Р.Г. Эймонтовой, и произошло это во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов³¹.

Таким образом, можно утверждать, что в советской историографии второй половины XX в. возник свой образ университетов Российской империи. В значительной мере методологический поворот осуществился посредством формирования образа противодействующего самодержавию университета. Авторы по-прежнему придерживались классового подхода и делали акцент на социально-политической истории, однако в своем большинстве начали противопоставлять университет самодержавию. Более того, университеты стали рассматриваться как жертвы царизма. «Ущемление автономии», консервативные (но чаще «реакционные») подходы в учебном процессе, преследование «передовых ученых» — эти сюжеты постепенно заняли ведущее место в историографии. Сами по себе университетские формы уже не воспринимались как архаичные, не вызывали неприятия. Речь шла не столько о кризисе университета, сколько о реакционной сущности правительственной политики в «университетском вопросе». А вывод был таким: реакции не удалось остановить поступательное движение российской высшей школы³². Впрочем, порой в одной книге одновременно могли встречаться утверждения о кризисе университетов и их общем высоком потенциале³³. Так или иначе, но некоторые авторы даже начали выделять «периоды расцвета университетов». В частности, отмечали, что таким периодом стали 1860-е — 1870-е годы³⁴. Участились также высказывания об «определенном подъеме в научной деятельности университетов», о «высоком научном уровне преподавания»³⁵. Университеты начали называть «средоточием выдающихся научных сил», где «передовая научная общественность определяла климат»³⁶. Преподавательские коллективы определялись как «жизнеспособные организации»³⁷. Типичными стали такие утверждения: «русские университеты плохо “вписывались” в систему учреждений феодальной монархии и явились как бы зародышами нового в отживавшем феодальном обществе»; «реальные результаты деятельности университетов во многом шли вразрез с намерениями царизма. Созданная для нужд господствующего класса структура функционировала отнюдь не в заданном направлении»³⁸; «Киевский университет... создавался как идеологический форпост царизма на Юге Украины. Но вопреки этому он с самого начала

³¹ См.: Эймонтова Р.Г.: 1) Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; 2) Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

³² Днепров Э.Д. Школа в России во второй половине XIX в. // Советская педагогика. 1975. № 9. С. 124.

³³ См., напр.: Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 28, 166.

³⁴ Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М., 1957. С. 37.

³⁵ Щетинина Г. И. Университеты в России... С. 39.

³⁶ Там же. С. 38.

³⁷ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 181.

³⁸ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох... С. 33.

своей деятельности стал центром передовых идей, революционно-демократического движения»³⁹; «между настоящей их деятельностью (университетов. — С.П.) и теми задачами, которые ставили перед ними правящие классы, было огромное несоответствие»⁴⁰. Отмечался и тот факт, что стремление самодержавного правительства превратить университет в «фабрику, производящую из обезличенной студенческой массы нужный государству чиновничий товар», наталкивалось на «решительное сопротивление демократического студенчества и передовой профессуры»⁴¹. Иное толкование приобрела культурно-просветительская функция дореволюционных университетов. Например, отмечалось, что Казанский университет, который был создан царизмом для поработления местного населения края, вопреки самодержавию благоприятно повлиял на развитие культуры народов, проживающих в Поволжье⁴².

Советская историография второй половины XX в. не уделила особого внимания проблемам университетского самоуправления. Первая статья (А. Е. Иванова⁴³), которая была посвящена проблемам управления высшей школой Российской империи конца XIX — начала XX в., вышла из печати в 1983 г. Примечательно, что и в данном случае проблема подавалась довольно широко, включая, скажем, вопрос географического распределения высших учебных заведений. К тому же, и это весьма характерно, отмечалось, что проблема управления является частью исследовательской темы «Политика самодержавия в области русской культуры». Сравнительно чаще авторы упоминали «университетскую автономию». Впрочем, в научной литературе того времени мысли относительно университетской автономии высказывались большей частью вскользь. Приметой времени стали однотипные оценки такой автономии, почти полное отсутствие полемики по этим вопросам. Университетская автономия называлась «куцей»⁴⁴, «очень ограниченной», «половинчатой», «элементарной», «относительной», «неустойчивой», речь шла о «некотором самоуправлении»⁴⁵, «относительной автономии в вопросах управления»⁴⁶, «полуправах и полууступках»⁴⁷.

³⁹ Шевченко Л. В. Соціальний склад студентів Київського університету в період першої революційної ситуації в Росії // Вісник Київського університету. Сер. Історичні науки. 1986. Вип. 28. С. 79.

⁴⁰ Мальцева Л. Г., Шип Н. А. Дослідження про університети Росії середини XIX ст. // Український історичний журнал. 1987. № 5. С. 150 (рец. на кн.: Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох...).

⁴¹ Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955. С. 64, 147.

⁴² История Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина. (Материалы к обсуждению). Казань, 1954. С. 81.

⁴³ Иванов А. Е. Управление высшей школой России в конце XIX — начале XX вв. // Историографические и источниковедческие проблемы русской культуры. М., 1983. С. 169–201. — К слову сказать, очередной «поворот» в 1990-х — начале 2000-х годов в историографии истории университетов Российской империи в значительной мере связан с творчеством этого историка.

⁴⁴ Это ленинское определение часто использовалось без каких-либо ссылок на его работы.

⁴⁵ Василейский С. М. Лекционное преподавание в высшей школе. Горький, 1959. С. 71; Гусятыников П. С. Революционное студенческое движение в России 1899 — 1907 гг. М., 1971. С. 151; Исторія Одеського університету за 100 років. Київ, 1968. С. 14, 62; Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. С. 186.

⁴⁶ Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 101.

⁴⁷ Щетинина Г. И. Университеты в России... С. 65.

И все же можно сказать, что в научных работах указанного периода сложился свой образ университетской автономии. В отличие от предшествующего периода в это время коллегиальные органы управления начали широко трактовать как жертвы режима. «Ущемление» университетской автономии расценивалось как проявление сущности самодержавия. Борьба за автономию стала восприниматься как часть общего «освободительного» движения, а университеты, которые стремились к автономии, таким образом, были зачислены в ряды «борцов». Между тем элементы автономии, о которых идет речь в литературе этого времени, трактовались исключительно как уступки правительства, на которые оно вынуждено было идти под давлением студенческого движения⁴⁸. В результате буквально в каждой работе, посвященной истории университетов Российской империи второй половины XIX — начала XX в., мы встретим утверждение о попятном движении, о «ликвидации остатков автономии». Основополагающими для авторов были слова Ленина о том, что самодержавие не могло не лишать университеты автономии, оставаясь самодержавием⁴⁹. Соответственно, хотя среди наиболее прогрессивных черт дореволюционных университетов теперь и назывались принципы самоуправления и выборности руководящих органов университета⁵⁰, но почти все исследователи советского времени сходились на том, что об университетском самоуправлении следует говорить лишь условно, «с серьезными оговорками»⁵¹, что при самодержавии «подлинное самоуправление оказалось нереальным»⁵².

В связи с этим неудивительно, что изменения в оценках в целом не затронули университетских руководителей — от декана до попечителя. Все они преимущественно выступали в качестве «реакционеров», которые воплощали правительенную политику на местах. В частности, отмечалось, что «выборные университетские органы на самом деле ничего не значили»⁵³, что «на должность ректора, деканов и профессоров правительство назначало только тех, кто доказал свою преданность самодержавию»⁵⁴. На образ руководителей университета влияли и такие высказывания: «Большое место в деятельности администрации университета занимал надзор за политической благонадежностью студентов и преподавателей, который осуществлялся в тесном контакте с жандармским управлением, полицией, генерал-губернатором»⁵⁵. Например, в одной из юбилейных работ Киевского университета отмечалось, что в конце XIX — начале XX в. ректоры «были жандармами в профессорских мундирах, проводниками реакционной политики царизма в области высшего образования, жестоко расправлялись с демократическим студенческим движением. <...> Такими же были и деканы, что назначались ми-

⁴⁸ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 172.

⁴⁹ Яковлев В. П. В. И. Ленин о политике царского правительства в университете в вопросе // Вестник Ленинградского университета. Сер. История, язык, литература. 1970. № 14. С. 31.

⁵⁰ Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. С. 38.

⁵¹ Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. 1961. Т. 70. С. 173.

⁵² Эймонтова Р. Г. Накануне университетской реформы 1863 года: толки и мнения о профессуре // Вестник высшей школы. 1990. № 9. С. 64.

⁵³ Эймонтова Р. Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50-х — 60-х годах XIX в. С. 152.

⁵⁴ Історія Одеського університету за 100 років. Київ, 1968. С. 40.

⁵⁵ Там же. С. 14.

нистром из самой реакционной части профессуры»⁵⁶. Отчасти подобные оценки базировались на мнениях, высказанных радикальными публицистами еще в конце XIX — начале XX в., и, безусловно, на цитатах из В. Ленина, который даже избранного в 1905 г. ректора Московского университета С. Н. Трубецкого назвал «холопом» самодержавия⁵⁷. Культивирование этих оценок, очевидно, объясняется тем, что кто-то все же должен был олицетворять государственную власть в самом университете. Впрочем, следует также учесть, что в советских вузах уже в 1930-е годы утвердилась система «единоначалия», а в послевоенный период ключевой фигурой в университете стал именно ректор. Все это способствовало тому, что уже в советское время началась постепенная реабилитация и дореволюционных ректоров. По крайней мере, среди них стали различать «более прогрессивных» и «особенно реакционных».

Окончательно позитивные черты в советской историографии данного времени приобрело студенчество, которое порой даже определялось как «передовой отряд революционной демократии». Вообще история студенческого движения оказалась в центре внимания историков университетов на данном историографическом этапе. Степень внимания к этой теме весьма заметна на общем фоне университетских историй⁵⁸. Некоторые современные исследователи даже считают, что в советский период историография студенчества сформировалась в «специальное направление»⁵⁹.

Небезынтересно отметить, что в это время не было забыто крылатое высказывание Н. И. Пирогова о том, что университеты являются «барометрами общества». Однако советские историки интерпретировали эту метафору несколько иначе, делая акцент на том, что именно (и только) студенческое движение символизировало ту стрелку, которая указывала на приближение решительных перемен⁶⁰. Как уже отмечалось, определяя место «университетского вопроса» в правительственной политике второй половины XIX — начала XX в., советские историки ключевым аспектом считали революционное студенческое движение, благодаря которому собственно правительство и шло на уступки университетам⁶¹. Этот тезис оставался ведущим в советской историографии до конца 1980-х годов при анализе роли и места дореволюционных университетов в общественных процессах⁶².

Примечательно, что в исследованиях, посвященных студенчеству, уже наблюдаются элементы дискуссий (как относительно утверждений предшественников, так и современников, западных ученых). Конечно, значительная «идеологическая

⁵⁶ Історія Київського університету. Київ, 1959. С. 58.

⁵⁷ Ленин В. И. Буржуазия сытая и буржуазия алчуща // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 11. М., 1960. С. 297.

⁵⁸ На наш взгляд, об этом, в частности, свидетельствует наличие не только историографических обзоров в соответствующих монографиях, но и специальные историографические работы: Георгиева Н. Г. Советская историография студенческого движения в России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1979, № 10.

⁵⁹ Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 16.

⁶⁰ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX века. М., 1958. С. 177.

⁶¹ Мавродин В. В., Сладкович Н. Г., Шилов Л. А. Ленинградский университет. (Краткий очерк). Л., 1957. С. 14; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 172.

⁶² Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. С. 16.

нагрузка», которую несла на себе эта проблематика, обусловила направленность основных исследовательских линий, и все же результатом стала картина, далекая от однообразия. При этом авторы не всегда сами понимали такие расхождения, поскольку эволюция образов шла через активное цитирование произведений В. И. Ленина, целостность взглядов которого тогда не подвергалась сомнению. Его мысли и оценки, высказанные при определенных исторических обстоятельствах, чаще всего воспринимались вне времени. К слову, в этот период появились работы, которые были специально посвящены анализу взглядов Ленина на университеты и студенчество. Разумеется, их авторы не могли противоречить оценкам «классика» и, как правило, возрождали образы университетов, которые были в целом присущи леворадикальной публицистике дореволюционной поры. Тем не менее их общие выводы уже отличались как от выводов, характерных для указанных публицистов, так и от выводов работ 1920-х — 1930-х годов. Теперь на страницах статей и монографий мы встречаем преимущественно положительный образ студенчества.

Более позитивно начала восприниматься и дореволюционная профессура, хотя порой тезис о наличии прогрессивной университетской профессуры непременно «уравновешивался» утверждением о том, что она противостояла другой части — «реакционной». Определенного рода «реабилитация» университетской профессуры в историографии происходила как посредством осуждения политики самодержавия, так и посредством некоторых корректировок характеристики ее политической позиции и даже состава (например, А. Е. Иванов обосновал тезис о постепенной демократизации состава профессорско-преподавательского состава, отметив, что «наиболее рельефно она обозначилась в университетах»⁶³). В отличие от авторов 1920-х — 1930-х годов теперь достаточно распространеными становятся мысли о том, что положительный опыт, накопленный «лучшими представителями старой высшей школы» заслуживает того, чтобы им воспользоваться⁶⁴, что лекции некоторых из них «высокой степенью поучительны и для настоящего времени»⁶⁵. Не обошлось и в данном случае без ссылок на мнение Ленина. Как писал один из авторов, «большое значение в деле дальнейшего становления и развития советской системы высшего образования получил ленинский принцип преемственности в отношении к наследию старой высшей школы»⁶⁶.

Широко распространенным был показ научных достижений дореволюционных университетов (особенно это заметно в юбилейных университетских «историях», которые приобрели характер оптимистичных нарративов прогрессивного развития). Однако повсеместно эти достижения трактовались как результат, который был достигнут вопреки правительственной политике. Вообще не только относительно науки, но и развития университетов в целом слово «вопреки» приобрело принципиальное значение.

Важно отметить, что в литературе данного периода высказывались далеко не одинаковые мысли, но это не вызывало более-менее заметных дискуссий. Крити-

⁶³ Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 223.

⁶⁴ Бочкарев К. С. Об организации самостоятельной работы студентов в дореволюционной высшей школе // Ученые записки Омского педагогического института. 1958. Вып. 10. С. 274.

⁶⁵ Васильевский С. М. Лекционное преподавание в высшей школе. С. 70.

⁶⁶ Лебедева Э. Н. В. И. Ленин о развитии советской высшей школы // Труды Университета дружбы народов. Сер. История. 1974. Т. 72, вып. 5. Историография и источниковедение. С. 9.

ковалась предшествовавшая историографическая традиция, некоторые выводы западной историографии, но, как правило, критика сводилась к констатациям в историографических обзорах в начале исследования, маргинальные образы в советской историографии не приобрели цельности. К слову, в западной историографии в это время тоже наблюдалось повышение интереса к истории образования в Российской империи. В ней господствовали те образы, которые в свое время возникли в либеральной российской публицистике дореволюционного времени и через нее попали в научные работы. Западные исследователи охотно цитировали такие работы, как и некоторые современные им труды советских авторов. Неудивительно, что в это время наблюдалось много общего в оценках, тематике советских и зарубежных историков университетов (критическое отношение к государственной политике в «университетском вопросе», главным содержанием которой виделось регулирование социального состава студентов, взгляд на университеты как центры либерализма, противостоящие самодержавию). Исследователи уже акцентировали внимание на том, что западная историография 1960-х — 1980-х годов восприняла и развивала основные положения дореволюционной российской историографии⁶⁷. Впрочем, следует заметить, что по большому счету советская и западная историографии существовали практически не взаимодействуя.

Подводя определенный итог, можно сделать некоторые выводы. В частности, факторы эволюции образов университетов Российской империи можно разделить на внутренние и внешние. Под влиянием внутренних факторов (профессионализации) состоялся переход от публицистичности к научности, от противопоставления к дополнительности. Внешние факторы (социальные, культурные, идеологические, которые обусловливали актуализацию определенных образов прошлого) влияли на характер процесса трансляции и взаимодействия образов. В нашем случае последний момент проявился прежде всего в границах свободы/несвободы функционирования образов. На процесс создания образов университетов и на дальнейшую их эволюцию влияла политическая борьба. Так, превращение «революционного» образа в господствующий в 1920-е годы не только отвечало новому социальному контексту, но и способствовало политическому подчинению университетов.

Специфика образов университетов состояла в том, что университеты — это мощные интеллектуальные центры, и в процессе конструирования их образов важную роль играл «взгляд изнутри». Университет являлся в значительной мере творцом собственного образа. Актуализация же проблем происходила через модели «кризиса» или «триумфа», а целью выступало определение не столько минувших событий, сколько направлений развития университета и общества в будущем.

Маркеры, при помощи которых фиксировались сдвиги в тематическом поле образов, позволяют выявить «точки напряжения» и таким образом обозначить основной элемент историографической конструкции. Если на первом (дореволюционном) историографическом этапе такой «точкой» стала проблема автономии (университет как символ ожидаемых социальных перемен), на следующем (1920-е — 1940-е годы) — функции и задачи университета (которые трактовались как доказательство его архаичности), то с середины XX в. — студенческое движение (которое выступало наглядным подтверждением противодействующего власти университета).

⁶⁷ Степанов В. Л. Крестьянская реформа 1861 г. в историографии ФРГ // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 157.

та). На современном этапе в центре внимания исследователей пребывает университетская культура (как явление историческое и корпоративное). Таким образом, старые образы (или их элементы) хотя и продолжали существовать (использоваться) на новом историографическом этапе, центральный «системообразующий элемент» доминирующего образа изменялся. Это главное, что следует подчеркнуть, и объясняется тем, что старые образы не могут «работать» без изменений в новых социокультурных условиях. На каждом следующем этапе происходит переосмысление достижений предшествующего времени. Не стал исключением и советский период, который, как уже неоднократно отмечалось, не был однородным.

Изменение интереса к коллективному минувшему в 1920-е — 1940-е годы, когда в основу интеллектуальных конструкций было положено противопоставление прошлого и настоящего, привело к искусственно обособлению одного из образов («революционного») в качестве господствующего. Этот образ репрезентовал результат, пожалуй, наиболее последовательной критики идеи университета на основе классового подхода и принципов утилитаризма. Другие образы фактически прекратили существование из-за невозможности их трансляции. Состоялось подавление социальной памяти с целью придания ей нового значения. Маргинальные образы (теперь это «либеральный» и «консервативный») можно обнаружить только в эмигрантской литературе, но они почти не влияли на конструирование и эволюцию господствующего образа. Лишь со второй половины 1930-х годов наблюдается начало «размывания» образа «старого университета» как элемента отжившего общества.

Во второй половине XX в. в советской историографии состоится становление нового образа университета, который в значительной мере будет строиться на основах «либерального» образа. Такие изменения обусловлены как социальными, так и научными факторами. Эволюция происходила не путем дискуссий и отталкивания от предшествующего образа, а через перенесение акцентов и соответствующую интерпретацию высказываний Ленина. Ключевым словом, которое отражало новое понимание исторической роли университетов Российской империи второй половины XIX — начала XX в. стало слово «вопреки». Деятельность университетов (в широком смысле) объясняли как такую, которая не только выходила за пределы тогдашних общественно-политических форм, но и реально была направлена против режима. Публицистика в указанное время не играла какой-либо заметной роли в формировании этого образа, однако уже односторонность «первообразов» приводила к рецидивам публицистичности, которая большей частью обнаруживается в односторонности оценок. Очередной «поворот» в подходах при изучении истории университетов Российской империи наметился в конце 1980-х — начале 1990-х годов, став по сути прологом для современной историографии. Советское историографическое наследие второй половины XX в. и сегодня достаточно активно используется современными историками российских университетов, что предполагает продолжение разговора на обозначенную в статье тему.

References

- Afanas'ev Iu. N. Fenomen sovetskoi istoriografii. *Sovetskaia istoriografia*. Ed. by Iu. N. Afanas'ev. Moscow, Russian State University for Humanities Press, 1996, pp. 7–41. (In Russian).

- Alekseeva G. D. Istorija. Ideologija. Politika. (20–30-e gg.) *Istoricheskaja nauka Rossii v XX v.* Ed. by G. D. Alekseeva. Moscow, "Skriptorii" Publ., 2007, pp. 79–166. (In Russian)
- Astahov V. I. *Studencheskoe dvizhenie v Kharkovskom universitete nakanune i v period Pervoi russkoi revoljutsii* (1895–1907 gg.). Kand. Diss. Kharkiv, 1953, 322 p. (In Russian)
- Butiagin A. S., Saltanov Iu. A. *Universitetskoe obrazovanie v SSSR*. Moscow, Moscow State University Press, 1957, 296 p. (In Russian)
- Chanbarisov Sh. H. *Formirovanie sovetskoi universitetskoi sistemy*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1988, 256 p. (In Russian)
- Dmitriev O. M. Marksyzm iak traditsiya i perspektiva [Forum] *Ukraina moderna*, 2009, no. 3(14), pp. 54–59. (In Ukrainian)
- Eimontova R. G. *Idei prosveshchenija v obnovljaushcheisia Rossii (50–60-e gody XIX veka)*. Moscow, Institute of Russian History Publ., 1998, 407 p. (In Russian)
- Eimontova R. G. *Russkie university na grani dvuh epoh: ot Rossii krepostnoi k Rossii kapitalisticheskoi*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 350 p. (In Russian)
- Eimontova R. G. *Russkie university na putyakh reformy: shestidesyatye gody XIX veka*. Moscow, Nauka Publ., 1993, 272 p. (In Russian)
- Eimontova R. G. Universitetskii vopros i russkaia obshchestvennost' v 50-h — 60-h godakh XIX v. *Istoriia SSSR*, 1971, no. 6, pp. 145–158. (In Russian)
- Eimontova R. G. *Universitetskii vopros v kontse 50-h — nachale 60-h godov XIX veka i universitetskaia reforma 1863 g.* Kand. Dis. Moscow, 1954, 457 p. (In Russian)
- Gotalov-Gotlib A. G. Krizis universiteta i vopros o podgotovke uchitel'stva. *Put' prosveshchenija*, 1923, no. 2, pp. 37–62. (In Russian)
- Gusyatnikov P. S. *Revolucionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii 1899–1907 gg.* Moscow, Mysl Publ., 1971, 264 p. (In Russian)
- Illerickaia N. V. Stanovlenie sovetskoi istoriograficheskoi traditsii: nauka, ne obretshaia litsa *Sovetskaya istoriografia*. Ed. by Iu. N. Afanašev. Moscow, Russian State University for Humanities Press, 1996, pp. 162–190. (In Russian)
- Ivanov A. E. Upravlenie vysshei shkoloi Rossii v kontse XIX — nachale XX v. *Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy russkoj kul'tury*. Moscow, 1983, pp. 169–201. (In Russian)
- Leikina-Svirskaja V. R. *Intelligentsija v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka*. Moscow, Mysl Publ., 1971, 368 p. (In Russian).
- Logunov A. P. Otechestvennaia istoriograficheskaja kul'tura: sovremennoe sostoyanie i tendentsii transformatsii. *Obrazy istoriografii*. Ed. by A. P. Logunov. Moscow, Russian State University for Humanities Press, 2001, pp. 7–58. (In Russian)
- Mal'ceva L. G., Shyp N. A. Doslidzhennia pro universytety Rosii seredyni XIX st. *Ukrains'kyj istorychnij zhurnal*, 1987, no. 5, pp. 150–151 (review: Eimontova R. G. Russkie university na grani dvukh epokh: ot Rossii krepostnoi k Rossii kapitalisticheskoi). Moscow, Nauka Publ., 1985, 350 p.). (In Ukrainian)
- Markov M. Nuzhny li nam university? *Krasnoe studenchestvo*, 1929, no. 3, pp. 10–11. (In Russian)
- Melehin B. I. Rol' uchenykh Moskovskogo universiteta i ego vydaiushchikh sias vospitannikov v razvitiu nauki mezhdunarodnogo prava (1755–1917). Kand. Diss. Moscow, 1952, 423 p. (In Russian)
- Perederii G. K. voprosu o postanovke prepodavaniia v vysshei shkole. *Krasnaya molodez'*, 1924, no. 3, pp. 84–93. (In Russian)
- Pokrovskii M. N. Lenin i narodnoe prosveshchenie. Pokrovskii M. N. *Izbrannye proizvedenia*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1967, pp. 12–20. (In Russian)
- Posokhov S. I. Istorograficheskie obrazy: variant dekonstrukcii (na materialah istoriografii rossiiskih universitetov) *Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaja situatsija na rubezhe XX–XXI vv.* Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012, pp. 216–238. (In Russian)
- Posokhov S. I. *Obrazy universytetov Rosijs'koj imperii drugoi polovyny XIX — pochatku XX st.* Kharkiv, V. N. Karazin Kharkiv National University Press, 2006, 368 p. (In Ukrainian)
- Riappo Ia. P. Dve sistemy prosveshchenija (idealistichestskaia i materialistichestskaia shkola). *Put' prosveshchenija*, 1922, no. 1, pp. 109–117. (In Russian)
- Riappo Ia. P. *Korotkyi narys rozvytku ukraїns'koj systemy narodnoї osvity*. Kharkiv, Державне видовищтво України Publ., 1926, 41 p. (In Ukrainian)
- Riappo Ya. P. O reforme vysshei shkoly na Ukraine. *Student revoliucii*, 1922, no. 1, pp. 8–13. (In Russian)
- Riappo Ya. P. *Reforma vysshei shkoly na Ukraine v gody revoliutsii*. Kharkiv, GIZ Ukrainy Publ., 1925, 155 p. (In Russian)
- Shetinina G. I. *University v Rossii i ustav 1884 goda*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 231 p. (In Russian)

- Shevchenko L. V. Sotsial'nyi sklad studentiv Kyiv's'kogo universytetu v period pershoi revoliutsijnoi situatsii v Rosii. *Visnik of Kyiv State University. History*, 1986, iss. 28, pp. 79–84. (In Ukrainian)
- Soboleva E. V. *Organizatsiia nauki v poreformennoi Rossii*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 256 p. (In Russian)
- Sviatoslavskii A. V. Pomyati «sovetskii» kak kul'turnyi identifikator i ideologicheskii marker. *Sobytie v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti*. Ed. by L. P. Repinoi. Moscow, Akvilon Publ., 2017, pp. 266–307. (In Russian)
- Vasileiskii S. M. *Lekcionnoe prepodavanie v vysshei shkole*. Gorky, Gorky Pedagogical Institute Publ., 1959, 271 p. (In Russian)
- Vishlenkova E. A., Parsamov V. S. Universitetskie istorii v Rossii: genezis zhanrov. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts*, 2014, no. 3 (20), pp. 164–172. (In Russian)

Received: June 8, 2018

Accepted: September 10, 2018